

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ

В годы Первой мировой войны, революции и последовавших за ними Гражданской войны и интервенции социально-демографическая ситуация в стране резко изменилась. Ее изучение связано с определенными трудностями. В частности, по сравнению с предыдущими годами качество демографической информации заметно ухудшилось. Прежде всего, была расстроена система текущего учета населения в условиях военного времени и в результате реформ новых органов государственной власти, включавших отделение церкви от государства и создание новой системы учета естественного движения населения. Так, 18 декабря 1917 г. был утвержден Декрет о гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния, который предусматривал обязательную регистрацию рождений, браков, смертей в специальных книгах отделов записей браков и рождений [6, с. 247—249].

Но, несмотря ни на какие обстоятельства, от тех лет осталось немало статистическое наследие. Например, Л. И. Лубны-Герцык, изучая движение населения в 1916—1922 гг., использовал данные по 28 губерниям; В. З. Дробижев для периода 1917—1920 гг. приводил иную информацию по 16 губерниям, не считая городов [7, с. 298].

Начавшаяся мировая война не позволила провести намечавшуюся на 1915 г. Вторую всеобщую перепись населения [12, с. 191]. Однако в указанный период в стране провели фактически две переписи населения, результаты которых были необходимы для решения продовольственной проблемы, проведения аграрной реформы, послевоенного государственного строительства. В 1916 г. была проведена первая сельскохозяйственная перепись, во время которой были собраны сведения о сельском и частично о городском населении; в 1917 г. — сельскохозяйственная, поземельная и городская переписи. Кроме того, в этот период проводились различные выборочные обследования, существовали также косвенные источники информации о населении: материалы Министерства земледелия, Наркомздрава РСФСР, комитетов помощи беженцам, голодающим и др.

Бесспорно, данные периода Первой мировой войны являются неполными и часто противоречат друг другу. Например, ни одна из двух переписей не охватила всей территории страны. Но, как совершенно справедливо заметил Ю. А. Поляков, «...было бы неправильно совершенно пренебрегать данными статистического учета тех лет. Они не могут дать полной картины, но ряд сведений являются доказательными и неплохо характеризуют демографические тенденции» [19, с. 105—106].

Главным показателем демографического кризиса стало резкое сокращение общей массы населения, особенно Российского Центра и Европейской России, за четыре года войны: к началу 1914 г. оно составило соответственно 54 446,5 и 128 864,3 тыс. человек обоего пола, в 1916 г. — сократилось до 50 003,5 и 97 706,4 тыс. человек, а в 1917 г. — до 43 668,9 и 81 398,1 тыс. человек. Напомним, что центральные губернии региона не являлись театром военных действий, из них шли призыв в армию и отправка на фронты «великой войны»; вместе с тем в эти годы сюда прибывали беженцы и военнопленные; все это повлияло на изменение численности и состав населения.

Первая мировая война нанесла значительный удар по уровню рождаемости в России. Массовая мобилизация мужского населения вызвала разрушение прежних семейных связей и резко сократила возникновение новых брачных союзов. Все это в скором времени отразилось на снижении рождаемости. Влияние «великой войны» оказалось куда более значительным, чем Русско-японской. Было мобилизовано 16 млн мужчин, т. е. в 12 раз больше, чем в 1904—1905 гг. Это составило 40 % всех мужчин в возрасте от 20 до 50 лет [9, с. 31—82, 143—190; 22, с. 11—26].

Война началась летом, и, следовательно, на численность родившихся в 1914 г. она еще не могла повлиять. Таким образом, 1914 г. в отношении числа рождений следует рассматривать как мирный год. Только с 1915 г. начало сказываться «огненное дыхание» войны.

Однако точно проследить влияние войны оказалось невозможным из-за расстройств статистики естественного движения населения в результате ведения военных действий и начавшейся общей разрухи в стране. По сделанным расчетам на основе использования различного местного материала и данных переписи 1926 г. о возрастном составе населения, динамика коэффициентов рождаемости в России в годы Первой мировой войны выражена в следующих цифрах.

Снижение рождаемости и повышение смертности наблюдалось во всех городах, но по размерам снижения они резко различались между собой. Если в Петрограде и Москве рождаемость значительно упала, соответственно с 25 до 15 % и с 31 до 14,7 %, а смертность повысилась соответственно с 21,5 до 46,7 % и с 23,2 до 29,9 %, то этого нельзя сказать о Ярославле и Саратове, где снижение рождаемости не превышало 15—25 % [22, с. 11—26]. Так как в целом рождаемость к 1917 г. снизилась почти вдвое, то это означало, что особенно резкое снижение ее было в сельской местности, в связи с тем что она больше пострадала от мобилизации, чем город.

Уровень рождаемости в годы Первой мировой войны, по имеющимся статистическим данным, снизился примерно на 45 %. Если родившихся в 1913 г. в 12 губерниях России, Петрограде и Москве, по которым имеется непрерывный ряд данных, принять за 100 %, то динамика рождений представляется следующим образом: в 1914 г. — 102 %, в 1915 г. — 88 %, в 1916 г. — 69 %, в 1917 г. — 54 % [9, с. 31—32, 143—190]. Рост рождаемости в 1914 г. объясняется тем, что в этом году рождались дети, зачатые еще в довоенное время.

Тенденции рождаемости в 1914—1917 гг., по данным текущего учета населения, представлены материалами местной статистики. Коэффициент рождаемости в Орловской губернии составил в 1917 г. 29 %. Для Саратовской

губернии имеются дифференцированные показатели по городу и селу: рождаемость в городах в 1917 г. здесь была 19,1 %, а в селах — 18,7 %. Показатели рождаемости в Ярославской губернии в городах составили в 1917 г. 31,6 %, а в селах — 25,3 % [9, с. 6—25].

Представление о сильном влиянии кризиса на репродуктивное поведение дает анализ деформации возрастных коэффициентов рождаемости. Так, у когорты женщин 1890—1894 гг. интенсивность рождаемости в кризисные годы была значительно ниже возможной, что отразилось на повозрастном распределении рождений в последующие годы. Наиболее заметным снижением рождаемости было в молодых женских возрастах. Это подтверждается также некоторыми исследованиями (см., напр.: [5, с. 197]).

На снижение рождаемости влияло еще и то обстоятельство, что в 1917 г. в сельской местности России отсутствовало 47,4 % мужчин трудоспособных и репродуктивных возрастов, а в некоторых из них — более половины, к примеру в Олонецкой — 51,8 % [23, с. 108].

Разразившийся кризис содействовал распространению внутрисемейного контроля рождаемости, в том числе и в деревне. Так, из отчетов больниц, анкет участковых сельских врачей следует, что с 1914 г. значительно возросло число аборт. С. А. Новосельский отмечал, что сознательное регулирование размеров семьи в этот период широко распространялось среди населения, являясь одной из причин наблюдавшегося повсюду падения рождаемости. Этому способствовало созданное войной настроение в связи с экономическим кризисом и неуверенностью в завтрашнем дне [16, с. 54].

Другой исследователь этого вопроса, А. Б. Генс, снижение рождаемости тесно связывал с распространением абортов: «С 1914 г. ... на селе осталась громадная армия “солдаток”, потом и вдов, в связи с чем особенно усилился спрос на аборт, впервые вызвавший (спрос вызывает предложение) профессию бабок по абортам» [3, с. 58]. Иной группой факторов, снижавших рождаемость, являлся рост заболеваемости женщин, психическое напряжение, которое вызывало длительное или временное бесплодие («аменорея военного времени») [14].

Первая мировая война резко ухудшила положение широких слоев населения. Уровень питания значительно снизился, жилищные условия городского населения ухудшились, медицинское обслуживание стало еще менее удовлетворительным. Все это привело к увеличению смертности.

Коэффициент смертности в 1915—1917 гг. несколько снизился по сравнению с 1913 г. исключительно вследствие падения рождаемости. Поэтому для получения правильной картины уместно привести коэффициенты смертности для населения старше одного года. При таком подсчете падение рождаемости исключается лишь частично. В те годы очень велика была смертность среди младенцев, двух- и трехлетних детей, численность которых к 1916—1917 гг. значительно сократилась.

Хотя используются средние коэффициенты смертности по стране в целом, надо подчеркнуть, что они относились преимущественно к низшим социальным слоям города и деревни, составлявшим подавляющую часть всего населения. Высшие и более обеспеченные слои жили в гораздо лучших условиях, и уровень смертности у них был значительно ниже.

В годы войны наметились негативные изменения в эпидемиологическом фоне, нарастали топливный и продовольственный кризисы. Начало будущим эпидемиям положили стихийная демобилизация и беженцы, рассеявшие очаги эпидемий по всей стране. Россия пережила небывалое усиление инфекционных заболеваний, голод и, как следствие, катастрофический рост уровня смертности [19, с. 398; 32, с. 35—39; 26, с. 45—46].

Ожидаемая продолжительность жизни для мужского населения в Петрограде сократилась по сравнению с 1910—1911 гг. более чем на 10 лет и составила в 1917 г. 20,5 лет [16, с. 163].

Меньшим было увеличение смертности в сельской местности, хотя здесь в большей степени мог сказаться недоучет смертей. Так, в Московской губернии смертность возросла с 31,5 % в 1913 г. до 40,8 % в 1918 г., в Костромской соответственно с 30,9 до 49,6 %, в Орловской — с 27 до 36,4 % [8, 10, 21, 25, 28, 34].

Естественно, что и младенческая смертность оставалась очень высокой. Об этом можно судить по уровню младенческой смертности в Петрограде и Москве. Доля умерших младенцев в 1913—1917 гг. в среднем составила в Петрограде 26,8 % к числу родившихся, в Москве — 23,8 % [18, с. 82—128].

Особенности процессов рождаемости, смертности и миграции предопределили характер воспроизводства населения. В целом по России за период с 1914 по 1917 г. включительно численность населения сократилась почти на 11 млн человек. Имеющаяся информация не дает точной картины годовой численности населения страны.

Убыль населения в этот тяжелый для людей период обеспечила отрицательный естественный прирост. Если его уровень в губерниях, Петрограде и Москве принять за 100 % в 1913 г., то в 1914 г. он составил 119 %, в 1915 г. — 73 %, в 1916 г. — 22 %, а в 1917 г. его величина впервые стала отрицательной, что явилось результатом резкого падения уровня рождаемости в годы Первой мировой войны.

Влияние войны на брачность проявилось прежде всего в уменьшении числа заключенных браков, вызванном мобилизацией мужчин и отчасти ухудшением экономических условий.

Обычно война в большей степени влияет на брачность сельского населения, чем городского. Для городов характерны концентрация военнослужащих, система брони для мужчин, работающих на военных предприятиях и в некоторых гражданских учреждениях. В селах же лица всех мужских призывных возрастов, за исключением единиц, подлежат мобилизации. Например, изменение коэффициента брачности по Москве и Московской губернии в годы Первой мировой войны было следующим: в 1913 г. соответственно 5,9 и 7,4 %, в 1914 г. — 5,5 и 5,6 %, в 1915 г. — 4,1 и 2,2 %, в 1916 г. — 3,9 и 2,3 %. Количество нереализованных браков в губерниях России в годы войны оценивается в 1,7 млн [4, с. 43].

Крупные войны, какой была Первая мировая война, служат причиной таких глубоких и необратимых изменений, которые не только затрудняют процесс послевоенной компенсации брачности населения, но еще долго негативно влияют на брачность многих поколений людей. Главное в этих изменениях — нарушение нормальной возрастно-половой структуры населения. Причины такого нарушения заключаются в повышении смертности людей в период войны, и прежде всего массовой гибели молодых мужчин на полях сражений.

Немалое значение имеет также пониженная рождаемость в военные годы, которая приводила к существенной деформации возрастной пирамиды и сказывалась на брачности много позднее, когда в брачный возраст вступали поколения, родившиеся в военные и примыкавшие к ним годы.

Брачность порой считают главным фактором, определяющим снижение рождаемости в годы кризисов. Но эта точка зрения ошибочна, поскольку снижение уровня брачности в короткий интервал времени влияет лишь на интенсивность рождений первенцев. Это легко подтвердить простыми арифметическими подсчетами. «Недород» детей в 1914—1917 гг. составил 6 млн человек, а дефицит браков — 1,7 млн. Делая заведомо неточное предположение о том, что у всех молодоженов протогенетический интервал равнялся одному году, можно сделать вывод, что большая часть «недорода» (4,3 млн) была обусловлена другими факторами.

В целом по сокращению числа браков Россия занимала одно из ведущих мест среди воюющих государств. Если принять количество браков, заключенных в 1913 г. в 6 губерниях России, Петрограде и Москве, за 100 %, в 1914 г. оно составило 85 %, в 1915 г. — 46 %, в 1916 г. — 44 %. В 1917 г. число браков увеличилось до 65 % [там же], видимо из-за стихийно нараставшей демобилизации и прекратившихся со второй половины года наборов в армию, а также по причине возвращения раненых воинов домой, «прилива» беженцев и военнопленных, увеличения численности лиц, получивших броню.

Такое резкое повышение уровня брачности носило отчасти компенсаторный характер. Но в большей степени оно объяснялось введением полной свободы разводов и гражданских браков, а также коренными изменениями бытовых и хозяйственных условий жизни людей.

Много было заключено фиктивных браков с эвакуированными иностранцами и военнопленными для того, чтобы эмигрировать. Уровень разводов, следовательно, значительно возрос. Однако судить об их количестве на основе имеющихся материалов трудно, поскольку техника их регистрации не была налажена. Можно отметить, что в Петрограде среди всех заключенных браков доля тех, в которых хотя бы один супруг был разведен, повысилась с 1,6 % в 1913 г. до 11,2 % в 1917 г. [15, с. 103].

Безвозвратные потери российской армии, которая формировалась на территории Европейской России, в Первую мировую войну были велики. Численность погибших солдат и офицеров составила, по наиболее достоверным оценкам, от 2,3 до 2,5 млн чел. [2, с. 116—127].

Сведения о людских потерях российских вооруженных сил в Первую мировую войну, встречающиеся в отечественных и зарубежных источниках, страдают в большинстве своем противоречивостью. Объясняется это прежде всего неодинаковой полнотой и достоверностью материалов, использованных исследователями, а также существенными различиями в методике подсчета потерь.

В результате разница, например, в количестве погибших и умерших российских солдат и офицеров колеблется в опубликованных работах от нескольких сотен тысяч до 1—2 млн человек. В подтверждение этого факта приведем ряд цифр безвозвратных демографических потерь российской армии, взятых из разных отечественных источников: 511,1 тыс. человек, 562,6 тыс., 626,9 тыс., 775,4 тыс., 908 тыс., 2300 тыс., 3000 тыс. [22, с. 24—94; 24, с. 92—109].

Аналогичные расхождения в подсчете потерь российской армии имеют место и в зарубежных источниках и публикациях. Приведем здесь несколько цифр о количестве погибших российских воинов: 1290 тыс. человек, 1500 тыс., 1700 тыс., 2000 тыс., 2250 тыс., 2762 тыс., 3000 тыс. (см.: [33, с. 192—230]).

Наши исследования в этом вопросе опирались в основном на авторитетные статистические данные Ю. А. Полякова и Г. Ф. Кривошеева. Используются также и другие источники, в которых содержится базовый материал по рассматриваемой теме [18, с. 82—128; 23, с. 31—82, 143—190]. Наибольшее значение придавалось установлению количества безвозвратных потерь российской армии, в том числе по их видам и категориям военнослужащих. В обобщенном виде эти данные представлены следующими цифрами.

Из безвозвратных демографических потерь российской армии в войне 1914—1918 гг. выделим безвозвратные боевые и безвозвратные небоевые потери. В числе безвозвратных боевых потерь было убито, умерло на этапах санитарной эвакуации всего 1200 тыс. человек, в том числе офицеров и военных чиновников — 23,1 тыс., нижних чинов — 1176,9 тыс.; пропало без вести соответственно 439,4 тыс., 7,3 тыс., 432 тыс.; умерло от ран в госпиталях 240 тыс., 7,1 тыс., 232,9 тыс.; умерло от отравления газами 11 тыс., 161 чел., 10 тыс. Всего безвозвратных боевых потерь — 1890,4 тыс. человек, 37,7 тыс., 1852,6 тыс.

В числе безвозвратных небоевых потерь умерло от болезней всего 155 тыс. человек, в том числе офицеров и военных чиновников — 10,3 тыс., нижних чинов — 144,7 тыс.; умерло в плену соответственно 190 тыс., 1,1 тыс., 188,9 тыс.; погибло, умерло в результате несчастных случаев и др. — 19 тыс., 2,2 тыс., 16,8 тыс. Всего безвозвратных небоевых потерь — 364 тыс. человек, 13,4 тыс., 350,3 тыс. В итоге суммируем все безвозвратные демографические потери российской армии — 2254,4 тыс. человек, в том числе офицеров и военных чиновников — 51,4 тыс., нижних чинов — 2203 тыс. [18, с. 82—128].

Санитарные потери армии (раненые, заболевшие, пострадавшие от газов) были колоссальными. Достаточно сказать, что только госпитализированных за время войны военнослужащих, нуждавшихся в продолжительном лечении, учтено 5148,2 тыс. человек, из них раненых — 2844,5 тыс., заболевших — 2303,7 тыс. Если же учесть все случаи ранений, не требовавших эвакуации в госпитали, то число санитарных потерь возрастет еще на 50 % [24, с. 98—105].

К началу войны находились в армии и на флоте 1423 тыс. человек, в ходе войны было призвано 13 955 тыс., всего было привлечено в вооруженные силы 15 378 тыс. человек. В годы войны из вооруженных сил убыло всего 7429 тыс. человек, в том числе убито, умерло от ран, болезней, от отравления газами, несчастных случаев и погибло из числа без вести пропавших (демографические потери) 2254,4 тыс. Кроме того, находилось в лечебных заведениях (раненые и больные) 350 тыс. человек, на длительном лечении и уволено со службы по инвалидности (тяжелораненые) 349 тыс. человек. На основании постановления Временного правительства осенью 1917 г. были уволены с военной службы солдаты, достигшие предельного, 43-летнего, возраста, — 226,6 тыс. человек; оставалось в вооруженных силах на 1 сентября 1917 г. всего 7949 тыс. человек, из них: в составе действующей армии — 6512 тыс., в составе тыловых формирований и органов военного управления, подчиненных Военному министерству, — 1437 тыс. [1].

Подсчитанные численность и потери российской армии в Первой мировой войне дали возможность показать сальдо людского контингента страны, привлеченного в российские вооруженные силы.

Первая мировая война деформировала возрастную-половую структуру населения России. В отличие от возрастной пирамиды 1896—1897 и 1900-х гг., пирамида, отражающая итоги демографического развития в 1914—1917 гг., имеет «демографические ямы» в возрастах от 5 до 14 лет, т. е. родившихся в 1912—1916 гг., что является следствием падения рождаемости.

Повышенная смертность мужчин, вызванная потерями на фронтах, от террора, от меньшей сопротивляемости болезням, а также большая их доля среди эмигрантов изменили соотношение полов в общей численности населения. Если на рубеже XIX—XX вв. женщины по численности незначительно доминировали над мужчинами, то к 1917 г. этот разрыв увеличился многократно и достиг рубежа в несколько миллионов.

В 1914 г. городское население России в среднем имело следующее соотношение возрастов и полов. Так, в возрасте до 1 года (младенцы) мужской пол преобладал над женским — соответственно 18,8 и 15,2 %; в возрасте 1 года — 16,9 и 13,7 %; 1—4 лет — 73,9 и 61,4 %; 5—9 лет — 138,1 и 118,7 %; 10—14 лет — 137,9 и 121,5 %; 15—16 лет — 23,1 и 23,1 %; 17 лет — 20,1 и 23,2 %; 18 лет — 14,8 и 23,2 %; 19 лет — 10,6 и 20,6 %; 20—29 лет — 138,1 и 195,9 %; 30—39 лет — 138,2 и 132,3 %; 40—49 лет — 115,3 и 95,7 %; 50—59 лет — 79,7 и 73,9 %; старше 60 лет — 66,5 и 71,8 % [19, с. 3, 702; 29, с. 1—25, 33—57; 31, с. 1—2].

Сельское население в тот же период имело следующую возрастную-половую структуру. В возрасте младенцев представители мужского пола и здесь преобладали над женским — соответственно 19,3 и 15,8 %; в возрасте 1 года — 20,4 и 16,8 %; 1—4 лет — 99,7 и 83,7 %; 5—9 лет — 191,1 и 162,5 %; 10—14 лет — 172,5 и 141,6 %; 15—16 лет — 27,6 и 26,1 %; 17 лет — 24,5 и 25 %; 18 лет — 19,2 и 22,9 %; 19 лет — 9,1 и 18 %; 20—29 лет — 95,4 и 161,1 %; 30—39 лет — 88,4 и 110,8 %; 40—49 лет — 87,5 и 80,6 %; 50—59 лет — 66,3 и 61,8 %; старше 60 лет — 70,1 и 63,6 % [9, с. 6—46].

Возрастно-половая структура городского и сельского населения России к 1917 г. значительно изменилась. В возрасте младенцев среди горожан мужчины составляли 20,8 %, женщины — 16,7 %; среди сельчан — соответственно 29,5 и 23 %; в возрасте 1 года горожан-мужчин было 17,9 %, женщин — 14,6 %; сельчан-мужчин — 30,8 %, женщин — 24,4 %; 1—4 лет — 76,9 и 64 %; 109,7 и 87,3 %; 5—9 лет — 127,3 и 109 %; 174,8 и 142 %; 10—14 лет — 128 и 113,6 %; 162 и 131,5 %; 15—16 лет — 23,9 и 21,6 %; 27,1 и 24,8 %; 17 лет — 21,6 и 22,1 %; 22,2 и 21,8 %; 18 лет — 17,9 и 23,3 %; 16,2 и 20,3 %; 19 лет — 12,5 и 21,2 %; 6,6 и 16,8 %; 20—29 лет — 148,3 и 189,7 %; 64,7 и 146,9 %; 30—39 лет — 149,6 и 133,7 %; 97,5 и 114,8 %; 40—49 лет — 120 и 104,8 %; 101,4 и 90,8 %; 50—59 лет — 76,4 и 82 %; 76,9 и 72,9 %; старше 60 лет — 52,9 и 76,2 %; 84,9 и 82,7 % [27, с. 2—3, 6—7, 8—9, 18, 19, 22—23; 30, с. 2, 3].

Характеризуя возрастную-половую состав городского и сельского населения к 1917 г., отметим, что в деревне был гораздо более высок удельный вес детей, рожденных в военное время. По районам наиболее высокий удельный вес этой категории (в селах) дают Северо-Западный и Центрально-Промышленный рай-

оны, самый низкий — Центрально-Земледельческий и Поволжский районы, что явно объясняется большим отвлечением из двух последних районов мужского населения на фронт. Перевес деревни заметен и по более дробным возрастным категориям (в младенческом возрасте, в возрасте одного года и т. д.).

В деревне, по сравнению с городом, значительно выше была доля детей в возрасте 5—9 лет. Это, безусловно, объясняется тем, что и до войны село отличалось более высоким уровнем рождаемости, особенно юго-восточные губернии Центрально-Земледельческого и Поволжского районов. Это превышение видно и применительно к возрастной группе 10—14 лет с постепенным снижением разницы в 16—17 лет. Переломным является 18-летний возраст, отличающийся большим удельным весом горожан.

В годы войны резко изменилось соотношение мужского и женского населения. Если показатели 1914 г. говорят о численном равенстве полов, то данные 1917 г. показывают огромный численный перевес женщин в самых детородных возрастах.

Начиная с 19 лет наблюдается снижение удельного веса молодых мужчин, особенно в деревне (8 %). Если в детских возрастных группах было заметно сначала преобладание мужского пола, затем примерное равенство, позже преобладание женского, то с 18 и особенно с 19 лет численность женщин намного превышала численность мужчин. Группы возрастов 20—29, 30—39 и 40—49 лет показывают превышение удельного веса обоих полов города над деревней. Возрастная группа 50—59 лет также показывает в целом по стране превышение удельного веса города над деревней, хотя в таких крупных районах, как Центрально-Промышленный и Центрально-Земледельческий, эти группы в городе и деревне по удельному весу практически были равными. Зато группа в возрасте старше 60 лет преобладала в деревне значительно и повсеместно.

Итак, в деревне было относительно больше, чем в городе, детей и стариков, а город, по сравнению с деревней, имел больше людей в возрасте от 18 до 60 лет. Анализ данных России показывает, что в деревне было относительно больше детей, рожденных в военное время. К 1917 г. дети обоих полов в возрасте 1—4 лет составляли в деревне 98,5 %, в городе — 70,5 %; в деревне младенцев было 26,3 %, в городе — 18,8 %; в деревне детей в возрасте 1 года было 27,6 %, в городе — 16,3 %.

Отметим также то обстоятельство, что в деревне и до войны был выше уровень рождаемости, к концу войны удельный вес детей в возрасте 5—9 лет был выше, он составлял 158,4 %, в городе — 118,2 %. Это относится и к детям 10—14 лет: 146,8 % — в деревне, 120,8 % — в городе [27, с. 6—7, 8—9, 18, 19, 20—21; 30, с. 2, 3].

Не столь значительной была разница в 15—16-летнем возрасте: 26 % — в деревне и 22,8 % — в городе; она почти исчезает для мужчин и приобретает обратное значение для женщин в 17-летнем возрасте: в деревне — 22,2 и 21,8 %, в городе — 21,6 и 22,1 %. Начиная с 18-летнего возраста шло явное преобладание города над деревней: так, возраст 20—24 года в деревне составлял 54,3 %, в городе — 85,7 %.

Возраст 20—29 лет составлял 51,6 % в деревне и 83,3 % в городе. С 19-летнего возраста наблюдается также резкое (особенно в деревне)

преобладание женщин. Возраст 30—39 лет составил в деревне 106,2 %, в городе — 141,7 %; в городе мужчины этого возраста имели уже значительное численное преобладание над женщинами.

Возрастная группа 40—49 лет у мужчин имела больший удельный вес в городе и в деревне, хотя в абсолютных цифрах женщин было по-прежнему значительно больше. Пожилые, особенно после 60 лет, имели тенденцию превышения этих групп в деревне. Группа в возрасте 50—59 лет составила в деревне 74,9 %, в городе — 77,4 %; группа старше 60 лет — 83,8 и 64,9 % [18, с. 82—150; 27, с. 10—11, 21—23].

Анализ аналогичных данных по районам и губерниям Российского Центра обнаруживает те же черты и параметры, хотя с определенными колебаниями и отклонениями по отдельным возрастам.

Сравнение с данными 1897 г. показывает резкое падение в 1917 г. удельного веса мужчин в возрасте 20—29 лет. По 23 губерниям Российского Центра мужчины этого возраста составляли в 1897 г. 15,7 %, в 1917 г. — 7,7 % [11, с. 5, 10—11].

Исчислив по данным ЦСК и переписей 1916—1917 гг. погубернское соотношение числа мужчин и женщин, можно установить довольно точно численность входивших в состав обычного населения мужчин на основании численности женщин, приведенной для соответствующих административных делений.

В некоторых губерниях России в значительной степени снизилось влияние войны: уход мужского населения в армию компенсировался присутствием военнопленных и беженцев (мужчин). Так, в сельской местности на 100 женщин приходилось мужчин: в Астраханской губернии в 1914 г. — 104,9, в 1917 г. — 104,2; во Владимирской — соответственно 88,7 и 89,9; в Воронежской — 99,7 (1917 г. — сведений нет); в Казанской — 98,5 (1917 г. — сведений нет); в Калужской — 83,7 и 89,1; в Костромской — 85,9 и 89,6; в Курской — 99,2 и 99,5; в Московской — 86,3 и 86,9; в Нижегородской — 91,7 и 91,4; в Новгородской — 92,2 и 94,7; в Олонецкой — 91,9 и 92,8; в Орловской — 96 и 97,6; в Пензенской — 93,3 и 97,4; в Петроградской — 92,3 и 94,4; в Рязанской — 94,6 и 96,1; в Самарской — 98,4 и 100,7; в Саратовской — 97,5 и 100,2; в Симбирской — 94,7 и 96,8; в Тамбовской — 96,4 и 97,7; в Тверской — 87,7 и 85,9; в Тульской — 89,1 и 98,1; в Ярославской — 78,8 и 83,6 [20, 21].

Как правило, численность мужчин значительно отставала от численности женщин в губерниях с промысловым отходом (Владимирская, Калужская, Костромская, Московская и др.) и была близка к последней в земледельческих губерниях.

В России к 1918 г. участники Первой мировой войны в возрасте 30 лет и старше составляли более 60 % этих возрастных групп [2, с. 9—17; 29, с. 21—29]. В это время в стране насчитывалось свыше 500 тыс. человек с физическими недостатками, из них около 70 тыс. — получивших увечья на фронтах Первой мировой войны [5, 29].

Таким образом, военные годы принесли, помимо огромных безвозвратных потерь, существенные изменения в соотношении возрастных групп и полов. Эти внушительные сдвиги значительно повлияли на общую демографическую ситуацию в стране, оказывая негативное воздействие прежде всего на численность и состояние работоспособных и репродуктивных социальных слоев населения.

Библиографический список

1. Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. История населения СССР, 1920—1959 гг. // Экспресс-информация. Сер.: История статистики. М. : Статистика, 1990. Вып. 3/5, ч. 1. С. 3—99.
2. Биниток Б. И., Каминский Л. С. Санитарное состояние населения в 1914—1918 гг. и военные потери России. М. : ЦСУ СССР, 1930. 193 с.
3. Генс А. Б. Социально-гигиенические проблемы аборта в СССР. М. : ЦСУ СССР, 1929. 192 с.
4. Горбунов А. В. Влияние мировой войны на движение населения Европы // Русский евгенистический журнал. 1920. Т. 1, вып. 1. С. 40—55.
5. Гуркин В. В., Гуров О. Г. Цена агрессии // Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С. 2—7.
6. Декреты Советской власти. М. : Политиздат, 1957. Т. 1. 550 с.
7. Дробижев В. З. У истоков советской демографии. М. : Наука, 1987. 298 с.
8. Дубенецкий Н. Опыт исчисления населения РСФСР и УССР на 1922 г. // Бюллетень ЦСУ. 1923. № 72. С. 9—23.
9. Жиромская В. Б. После революционных бурь. М. : Наука, 1996. 199 с.
10. Итоги борьбы с голодом за 1912—22 гг. // Сборник статей и отчетов. М. : Наркомпрод, 1922. С. 6—40.
11. Итоги переписи населения 1920 года. М. : ЦСУ СССР, 1928. 928 с.
12. Кауфман А. А. По поводу Второй Всероссийской переписи. СПб. : ЦСК МВД, 1913. 191 с.
13. Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М. : ЦСУ СССР, 1926. 192 с.
14. Майер А. И. Влияние войны на женщину // Врачебное дело. 1926. № 6. С. 5—50.
15. Новосельский С. А. Естественное движение населения в Петрограде. Пг. : ЦСК МВД, 1916. 191 с.
16. Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг. : ЦСК МВД, 1916. 191 с.
17. Новосельский С. А., Паевский В. В. Таблицы смертности населения Ленинграда за 1910—1911, 1920 и 1923 гг. // Материалы по статистике Ленинграда и Ленинградской губернии. Л. : ЦСУ СССР, 1925. Вып. 6. С. 5—29.
18. Поляков Ю. А. Советская страна после окончания Гражданской войны : территория и население. М. : Наука, 1986. 350 с.
19. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг. : ЦСК МВД, 1916. Вып. 1. 916 с.
20. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг. : ЦСК МВД, 1916—1917. Вып. 1/3. 890 с.
21. Россия, 1913 год. СПб. : Буланин, 1995. 319 с.
22. Россия в мировой войне 1914—1918 гг. : (в цифрах). М. : ЦСУ СССР, 1924. 249 с.
23. Россия и СССР в войнах XX века / под ред. Г. Ф. Кривошеева. М. : Наука, 2000. 398 с.
24. Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918—1923 гг. М. : ЦСУ СССР, 1924. 924 с.
25. Сборник статистических сведений. М. : ЦСУ СССР, 1924. 429 с.
26. Состояние питания городского населения за 1919—24 и 1926 гг. М. : ЦСУ СССР, 1927. Т. 30, вып. 1. 297 с.
27. Состояние питания сельского населения за 1920—1924 гг. М. : ЦСУ СССР, 1927. Т. 30, вып. 2. 927 с.

28. Статистический ежегодник России, 1914 г. Пг. : ЦСК МВД, 1915. 914 с.
29. Статистический ежегодник, 1921. М. : ЦСУ РСФСР, 1922. 921 с.
30. Статистический справочник по аграрному вопросу. М. : ЦСК МВД, 1917. Вып. 1/2. 719 с.
31. *Тренин-Петушков И. Г.* Корни и истоки хозяйственного учета и возникновение статистики на Руси. М. : Статистика, 1970. 197 с.
32. Три года борьбы с голодом : краткий отчет о деятельности Народного комиссариата продовольствия за 1918—1920. М. : Наркомпрод, 1920. 192 с.
33. Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. М. : ЦСУ РСФСР, 1923. 923 с.
34. *Фоменко Б. П.* Медицинский отчет петроградских родильных приютов на 1917 г. // Журнал акушерства и женских болезней. 1925. Т. 36, № 3. С. 2—59.

ББК 63.3(2)61-284.3

О. М. Долидович

ЖЕНОТДЕЛЫ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1921—1930 гг.

Женотделы РКП(б) стали центральным пунктом новой гендерной модернизации, реализуемой советской политической системой. Это была уникальная структура, не имевшая аналогов в других странах. Современные исследователи рассматривают реформы Советской России 1920—1930-х гг. в сфере гендерных отношений как результат влияния и продолжение традиций дореволюционного феминистского движения [3, 10, 11]. Американский историк Р. Стайтс справедливо отметил, что женотделы фактически осуществляли социальную революцию в стране [7, с. 464—466].

Изучение деятельности женотделов на региональном уровне имеет важное значение, поскольку помогает увидеть особенности эмансипации женщин первого десятилетия советской власти в социально-экономическом контексте развития страны.

Отделы по работе среди женщин начали создаваться в 1919 г. на базе комиссий агитации и пропаганды среди рабочих и крестьянок при Центральном и местных комитетах РКП(б). А. М. Коллонтай, возглавлявшая Женотдел при Центральном комитете партии в 1920—1922 гг., видела их задачи в том, чтобы воспитывать работниц и крестьянок в духе коммунизма, вовлекать женские массы в советское правительство, а также решать такие вопросы, которые либо вытекают из особенностей женского пола (например, материнство, охрана женского труда, законодательство по вопросу аборта), либо связаны с неравноправным положением женщин (например, проституция) [4, с. 311].